

СТАТЬИ

Н. В. БАЛАШОВ

СПОР О РУССКОЙ БИБЛИИ И ДОСТОЕВСКИЙ

На каком языке Достоевский читал Библию? Этот действительно интересный вопрос, недавно поставленный Н. Ефимовой,¹ стоит рассмотреть в контексте острой церковной полемики прошлого века о русском переводе Священного Писания, что позволит, как мне представляется, уточнить роль библейского текста в жизни писателя и его героев.

1

В детстве Достоевский знакомился с Библией по русскому переводу немецкой книги пересказов библейских сюжетов Иоганна Гибнера «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета».² Во время учебы в Главном инженерном училище «у него можно было видеть и Евангелие, и „Die Stunden der Andacht“ Цшокке и др.».³ У нас нет свидетельств о том, на каком языке было это Евангелие, но вернее всего, что на церковнославянском, так как русские издания Нового Завета были к этому времени изъяты из учебных библиотек и стали большой ред-

¹ Ефимова Н. Мотив библейского Иова в «Братьях Карамазовых» // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11. С. 123.

² См.: Достоевский А. М. Из «Воспоминаний» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 79. Точное название книги: Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета, выбранные из Священного Писания и преизряднейшими нравочениями снабженные, изданные Иоанном Гибнером, в переводе М. Соколова и с его примечаниями. См.: Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. М.; Пг., 1922. С. 63 Ср. автобиографическое упоминание об этой книге в житии старца Зосимы (14, 264; 15, 565; 29₂, 214).

³ См.: Савельев А. М. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 163 «Stunden der Andacht» («Часы молитвы») — многотомный воскресный журнал, издававшийся с 1809 по 1816 г. немецким драматургом и протестантским духовным писателем Г. Цшокке. Он содержал благочестивые размышления на библейские темы.

костью у книгопродавцев.⁴ Из Петропавловской крепости Достоевский просил брата Михаила прислать «Библию (оба Завета). Мне нужно. Но если возможно будет прислать, то пришли во французском переводе. А если к тому прибавишь и славянский, то все это будет верхом совершенства» (28₁, 158—159).

Зачем понадобился французский перевод? Р. Плетнев высказывал фантастическую гипотезу, будто «Достоевский не вполне доверял русскому переводу и желал сравнивать и корректировать его при помощи французского».⁵ На самом же деле читать «оба Завета» в русском переводе арестованный Достоевский не мог по той простой причине, что весь тираж русского издания первых восьми ветхозаветных книг был арестован намного раньше, в 1825 г., и «приговорен» к сожжению на кирпичном заводе Александро-Невской лавры.⁶ Печатных изданий русского перевода других книг Ветхого Завета (кроме Псалтири) еще не было. Литографированные же экземпляры пробного перевода некоторых из них, выполненного профессором Санкт-Петербургской Духовной академии о. Герасимом Павским, были изъяты и уничтожены в 1842 г., причем за лицами, подозреваемыми в тайном хранении оставшихся экземпляров, был учинен тайный надзор. Следствие по «делу Павского» было прекращено лишь в 1844 г., при том синодальный следственный комитет «полагал постановить (...) что всякий перевод Священного Писания, кроме существующего славянского, почитается противозаконным».⁷ Другой ревнитель перевода Библии на русский, архимандрит Макарий Глухарев, за свои настойчивые обращения в Синод и к государю по этому вопросу был примерно в те же годы дважды подвергнут церковной эпитимии и, наконец, уволен от руководства Забайкальской миссией, несмотря на его общепризнанные миссионерские заслуги.⁸ Так что читать Библию в России первой половины XIX в. людям, получившим светское, а не семинарское образование, обычно и приходилось по-французски: церковнославянский, по многочисленным свидетельствам, был им, как правило, мало доступен. Так, именно по-французски впервые прочел Новый Завет Александр I — как раз накануне войны с Наполеоном.⁹ Книга произвела на императора необычайно сильное впечатление. Впрочем, возможны были и другие

⁴ См.: Астафьев Н. Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами. СПб., 1892. С. 161. Ср. письмо митрополита Филарета архимандриту Макарию от 11 января 1845 г.: Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1872. Ч. 1. Отд. III. С. 105. Воспитанникам кадетских корпусов еще в 1829 г. было воспрещено чтение Библии как книги, могущей привести к помешательству. Митрополит Московский Филарет был возмущен таким предписанием, но выразить свои чувства мог лишь в конфиденциальном письме единомышленнику. См.: Корсунский И. Филарет, митрополит Московский в его отношениях и деятельности по вопросу о переводе Библии на русский язык. М., 1886. С. 75—76.

⁵ Плетнев Р. Достоевский и Евангелие // Путь. Париж, 1930. № 23. С. 56.

⁶ См.: Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899. С. 117.

⁷ Цит. по: Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. С. 288; см. также с. 184—185, Евсеев И. Е. Столетняя годовщина русского перевода Библии. Пг., 1916. С. 20—23.

⁸ См.: Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. С. 207—240; Корсунский И. Филарет, митрополит Московский... С. 104—107

⁹ См.: Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 131, 154.

варианты: М. М. Сперанский, например, в соответствии с собственными вкусами, предлагал дочери пользоваться английским переводом, когда славянский непонятен.¹⁰

2

Русский перевод Нового Завета в издании Российского Библейского общества (СПб., 1823) попал в руки Достоевского на пересыльном дворе в Тобольске в 1850 г. В «Дневнике писателя» за 1873 г. он вспоминал об этом подарке жен декабристов: «Они (...) каждого оделили Евангелием — единственная книга, позволенная в остроге» (21, 12).¹¹ Из воспоминаний А. Г. Достоевской и других лиц хорошо известна совершенно особая роль, которая принадлежала «тюремному» экземпляру Нового Завета в течение всей последующей жизни писателя: он никогда не разлучался с этой книгой, всегда лежавшей на его письменном столе, а за два часа до смерти передал ее своему сыну.¹² Менее известно, может быть, что книга, полученная Достоевским на пути в каторгу, если не по букве закона, то по существу дела *только* в остроге и была в то время позволена! Правда, рескрипт Николая I о приостановлении деятельности Российского Библейского общества (РБО), подписанный в 1826 г.,¹³ формально позволял продажу уже отпечатанных изданий.¹⁴ Однако по негласному распоряжению бывшего президента РБО митрополита Санкт-Петербургского Серафима (который и был одним из инициаторов закрытия Общества) издания Нового Завета и Псалтири на русском языке были повсеместно изъяты из обращения.¹⁵ И лишь комитеты попечительства о тюрьмах продолжали из своих ранее сделанных обширных запасов снабжать русским Евангелием заключенных и ссыльных.¹⁶

¹⁰ См.: *Корсунский И.* Филарет, митрополит Московский... С. 26—27.

¹¹ Высказывание не совсем точное. В действительности, согласно официальным инструкциям именно этого времени, дозволялись вообще *духовные книги* (см. комментарий И. Д. Якубович в ПСС 4, 303). Пользуясь этой возможностью, омский священник о. Александр Сулоцкий в том же 1850 г. переслал Достоевскому и его товарищу по заключению С. Ф. Дурову Псалтирь на русском языке и журнал «Христианское чтение» за 1828 и 1847 гг. См.: *Житомирская С. В.* Встречи декабристов с петрашевцами // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. Кн. 1. Декабристы-литераторы. С. 624.

¹² См.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 375, 378. Ср. воспоминания Н. Н. Страхова, Н. Ф. Каца и Н. Фон-Фохт (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1 С. 500, 527, 595; Т. 2. С. 53).

¹³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1903. С. 379.

¹⁴ Н. Ефимова (Мотив библейского Иова... С. 124—125) ошибочно приписывает запрет на издания РБО не только Николаю I, но и Александру I, а также допускает ряд других неточностей в отношении истории РБО.

¹⁵ См.: *Пыпин А. Н.* Российское Библейское общество // *Пыпин А. Н.* Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. 1. Религиозные движения. Пг., 1916. С. 258; *Астифьев Н.* Опыт истории Библии в России.. С. 156, 161.

¹⁶ См.: *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. С. 117; *Флоровский Г.* Пути русского богословия. С. 166.

Русская Библия «вышла на свободу» почти одновременно с Достоевским. Это оказалось возможным лишь в обстановке политических перемен, связанных с началом царствования Александра II. Благодаря осторожным, но настойчивым усилиям давнего убежденного сторонника этого дела митрополита Московского Филарета, в 1856 г. Синод одобрил предложение о возобновлении русского перевода Библии. А в 1858 г. соответствующее синодальное определение было высочайше утверждено, несмотря на новые интриги противников перевода. В 1860 г. было опубликовано Четвероевангелие, а в 1863 г. — Новый Завет в Синодальном переводе, который фактически представлял собой подновленную редакцию перевода РБО. С 1860 г. началась также публикация пробных переводов отдельных ветхозаветных книг (в числе прочих были напечатаны и запрещенные прежде переводы о. Павского и о. Макария Глухарева). В 1876 г. наконец вышло первое издание полной русской Синодальной Библии.

Каковы же были причины сорокалетнего замораживания этого столь важного для русской Церкви и российской словесности дела?¹⁷ Потайной пружиной «антибиблейской интриги» (по выражению о. Георгия Флоровского¹⁸) в 1820-е гг. был не кто иной, как граф А. А. Аракчеев, опасавшийся чрезмерной и нежелательной для него близости к государю президента РБО князя А. Н. Голицына. Главными же идеологами выступали архимандрит Фотий Спасский (тот самый «полуфанатик, полуплут» пушкинской эпиграммы), адмирал А. С. Шишков, сменивший в 1824 г. Голицына на посту министра народного образования, известный «ревнитель благочестия» попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий, а также примкнувший к ним не без колебаний митрополит Санкт-Петербургский Серафим Глаголевский.

Кроме обвинений в подозрительном иноземном происхождении и интерконфессиональном составе Общества («библейский Вавилон смешения», по словам Фотия¹⁹) главные аргументы сводились к опасности «унижения» слова Божия как через перевод его на слишком низменный общеупотребительный язык, так и в силу самого факта широкого распространения Священного Писания. Ведь то и другое неизбежно выводит святыне книги за пределы сакрального храмового пространства и повергает их в гущу профанной, повседневной человеческой жизни.

«Употребится страшный капитал на то, чтобы Евангелие, выносимое с такой торжественностью (на церковном богослужении. — Н. Б.), потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось под лавками(...) и не действовало более ни над умами, ни над сердцами челове-

¹⁷ При недавней канонизации святителя Филарета одним из главных оснований для причисления его к лику святых был назван значительный вклад митрополита Московского в дело перевода Священного Писания на русский язык, благодаря которому «христиане России и поныне имеют возможность внимать слову Божию на доступном им языке» (Архиерейский собор Русской Православной Церкви 29 ноября—2 декабря 1994 года. Москва: Документы. М., 1994. С. 3)

¹⁸ Флоровский Г. Пути русского богословия. С. 156.

¹⁹ Цит. по: Миропольский С. Фотий Спасский, юрьевский архимандрит // Вестник Европы. 1878. № 11. С. 59.

ческими», — писал Шишков императору.²⁰ «При сем необдуманном и всеобщем наводнении книгами Священного Писания, где найдут место правила апостольские, творения святых отцов, деяния святых соборов, предания, установления и обычаи церковные? Одним словом, все, что доселе служило оплотом православию? Все сие будет опровержено, смято и порвано. Всякий сделается сам себе толкователем Библии».²¹ Фотий в своем письме-доносе Александру I выдвигал аналогичные обвинения: «Дабы унизить слово Божие, которое в церквах с благоговением читается, предписано продавать его даже в аптеках с микстурами и склянками».²² Та же боязнь профанации заставляла противников РБО (и прежде всего Шишкова) видеть в создании русского перевода даже не просто неудачную затею, но злокозненный замысел: «Переводы Священного Писания с высокого языка, называемого славянским, на простой в общежитии употребляемый язык, называемый русским, придуманы для уменьшения их важности и поколебания веры».²³ Шишков при том полагал, что так называемый русский язык есть «испорченное из славянского наречие, смешенное с третьим чуждым», то бишь «худославяно-татарской», или, в лучшем уж случае, «язык театра», коим хотят подменить «язык церкви».²⁴ Пристрастие к славянскому едва ли не доводило адмирала до убеждения, будто то был родной язык Христа, Его апостолов и пророков: «Как дерзнуть, — недоумевал он, — на перемену слов, почитаемых исшедшими из уст Божиих!».²⁵

4

Попал ли спор о переводе Библии в сферу интересов Достоевского? К тому времени, когда началась активная публицистическая деятельность писателя, разгар основной полемики был уже позади. Теперь спорили скорее о методах перевода, например: с еврейского или с греческого текста переводить ветхозаветные книги? Оппонентами выступали соответственно Филарет Московский и Феофан Затворник.²⁶ Об аргументах этой дискуссии Достоевский читал в обзоре «Духовная литература» («Гражданин» от 8 марта 1876 г.).²⁷ В подготовительных записях к «Дневнику писателя» 1876 г. он отметил эту привлекающую его внимание публикацию, записав: «...о переводе Библии вновь с еврейского на славянский» (24, 157). Развития на страницах «Дневника» эта заметка не получила, однако о том, что интерес Достоевского к теме не

²⁰ Сборник исторических материалов... С. 342—343, 355.

²¹ Там же. С. 354.

²² Цит. по: *Пылин А. Н.* Российское Библейское общество. С. 201.

²³ Цит. по: *Стоюнин В.* Александр Семенович Шишков // *Стоюнин В.* Исторические сочинения. СПб., 1880. С. 306—307.

²⁴ Сборник исторических материалов... С. 358—360, 370; *Шишков А. С.* Рассуждение о красноречии Священного Писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила русского языка. СПб., 1825. С. 95, 97; ср. с. 40, 43.

²⁵ Цит. по: *Стоюнин В.* Александр Семенович Шишков. С. 308.

²⁶ Последний, как и Филарет, сравнительно недавно (в 1988 г.) был причислен к лику святых.

²⁷ Здесь рецензировалась, в частности, следующая статья: *Писарев С.* К вопросу об исправлении текста славянской Библии // *Православное обозрение.* 1876. № 1. С. 56—72.

был случаен, свидетельствует и другая запись в той же тетради — четырьмя страницами выше: «...никакая из святынь наших не боится свободного исследования (...) Мы русские и гордимся нашими особенностями. Наше православие само переводит Библию» (24, 154).²⁸ А в заметке «Иностранные события», опубликованной ранее в «Гражданине» от 8 октября 1973 г., писатель, противопоставляя православие и католицизм, обвинял римскую церковь в том, что она от народа «скрывала даже Евангелие Христово, запрещая переводить его» (21, 202). Это традиционное обвинение православной полемической литературы прошлого века,²⁹ хотя и поблекшее теперь, после того как католики столько потрудились в создании и распространении новых переводов Библии, далеко не лишено было основания. Первые переводчики Писания на родные языки действительно много претерпели от враждебности Рима такому начинанию. Принятый же в эпоху контрреформации XVI в. декрет Тридентского собора хотя и не запрещал переводить Евангелие, но позволял чтение библейских переводов только тем, кто вполне укрепился в (католической) вере и получил надлежащее разрешение от своих пастырей. Да и куда позднее, в 1820 г., в булле папы Пия VII Библейское общество было названо «ненавистнейшим изобретением, которое нужно всячески истреблять».³⁰ Однако справедливость требует признать, что примерно в то же время первенствующий член Святейшего Синода митрополит Санкт-Петербургский Серафим высказывал весьма близкое суждение: «Библейские общества крайне вредны, потому что раздача Библий есть самое верное средство к введению реформации».³¹ В полном соответствии с тогдашней римско-католической доктриной митрополит утверждал, будто по учению православной церкви «Священное Писание предано Богом не народу, а сословию пастырей и учителей, и уже через них народу».³² Согласие с такими воззрениями засвидетельствовал и другой видный иерарх того времени митрополит Киевский Евгений Болховитинов.³³ Так что в данном случае можно признать, что Достоевский вслед за Хомяковым увлекся

²⁸ Апологию «свободного исследования» Достоевский, по всей вероятности, почерпнул в известных ему полемических богословских статьях А. С. Хомякова, особенно в работе «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси», которая в русском переводе была впервые напечатана в «Православном обозрении» за 1863 г. (анонимное французское издание — 1853 г.). Согласно Хомякову, свободное исследование «составляет единственное основание истинной веры» и потому принадлежит по преимуществу православию, поскольку «римское исповедание, по-видимому, осуждает» такое исследование, а протестантское — неправильно его понимает. См.: Хомяков А. С. Соч.: В 2 т М., 1994. Т. 2. С. 35—36; ср. с. 49—50. Кстати, Хомяков с большим вниманием относился к вопросу о переводе Библии и сам в последний год своей жизни перевел два послания апостола Павла.

²⁹ Повторяет его и Хомяков, в том числе в уже упоминавшейся статье (Соч. Т. 2. С. 50).

³⁰ Цит. по: Юнгеров П. Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги. Казань, 1902. С. 564.

³¹ Приведено в письме епископа Ревельского Григория митрополиту Филарету от 19 сентября 1824 г. Цит. по: Пыпин А. Н. Российское Библейское общество. С. 246. По странной иронии российской судьбы, в это самое время митрополит Серафим формально состоял еще президентом Библейского общества.

³² Цит. по: Евсеев И. Е. Столетняя годовщина русского перевода Библии. С. 22.

³³ См.: Сборник исторических материалов... С. 377—378.

противопоставлением *реального* католичества со всеми его историческими грехами *идеальному* православию.

Едва ли Достоевский мог быть осведомлен об этих высказываниях Петербургского и Киевского митрополитов. Но, во всяком случае, запись в его тетради 1876 г. свидетельствует о прямо противоположных взглядах писателя: «Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. *Это книга человечества*» (24, 123). Сходные мысли о важности распространения Библии и чтения ее даже самыми богословски неподготовленными читателями не раз встречаются в записных тетрадях Достоевского: «...Библия. Все характеры. Читать детям» (24, 97); «Библия. Эта книга непобедима. Эту книгу не потрясут даже дети священников наших, пишущие в наших либеральных журналах» (24, 125). Под рубрикой «Идеи» Достоевский записал 22 сентября 1880 г.: «Общество распространения св(ятых) книг Ветхого и Нов(ого) Завета» (27, 44). В романе «Бесы» эту идею олицетворяет книгоноша Софья Матвеевна, образ действий которой, кстати говоря, очень точно воспроизводит типичные приемы работы членов реально существовавшего с 1863 по 1893 г. «Общества для распространения Священного Писания в России».³⁴ Вспомним, наконец, поучения старца Зосимы, убеждающего «иереев Божиих, а пуще всего сельских» читать народу Библию: «И не надо, не надо много толковать и учить, все поймет он просто. Думаете ли вы, что не поймет простолудин? (...) Кто не верит в Бога, тот и в народ Божий не поверит. (...) Гибель народу без слова Божия, ибо жаждет душа его слова и всякого прекрасного восприятия» (14, 265—267).

Читать Библию Достоевский настоятельно рекомендовал и в письмах своим корреспондентам, просившим совета писателя о выборе книг для чтения: «Хорошо, если б Вы тоже прочли *всю* Библию в переводе. Удивительное впечатление в целом делает эта книга. Выносите, например, такую мысль несомненно: что другой такой книги в человечестве нет и не может быть. И это — верите ли Вы, или не верите» (Н. Л. Озмидову, февраль 1878 г.; 30₁, 10); «Над всем (остальным чтением. — Н. Б.), конечно, Евангелие, Новый Завет в переводе. Если же (сын корреспондента. — Н. Б.) может читать и в оригинале (то есть на церковнославянском),³⁵ то всего бы лучше» (неустановленному лицу, 19 декабря 1880 г.; 30₁, 237).

Из последней цитаты видно, что, хорошо понимая важность русского перевода для увеличения доступности Библии широкому кругу читателей, Достоевский тем не менее высоко (и в каких-то отношениях даже выше русского) ценил славянский ее перевод — по крайней мере в самый последний период своей жизни. В «Дневнике писателя» за август 1880 г. он характеризовал как «обвинение на нашу церковь, придуманное либералами», недовольство последних «неудобством церковнославянского языка, будто бы непонятного простолудину (а старо-

³⁴ См.: *Астафьев Н.* Общество для распространения Священного Писания в России (1863—1893). СПб., 1895.

³⁵ Здесь Достоевский, подобно Шишкову, будто забывает, что и славянский текст Библии — также перевод.

обрядцы-то? Господи!)» (26, 151). Но эти слова нельзя рассматривать вне контекста запальчивой антилиберальной полемики Достоевского. Какое уж там «придуманное либералами», когда о том помышлял еще столь любимый им святитель Тихон Задонский, одно время собиравшийся перевести «на нынешний штиль» Псалтирь и Новый Завет!³⁶ Косвенным же доказательством того, что церковнославянский был все-таки не вполне понятен, и притом не одним простолюдинам, могут служить неточности в понимании или употреблении славянских выражений, встречающиеся у самого Достоевского.³⁷

Хотя в библиотеке писателя был Новый Завет не только в русском (изданий РБО и Синодальном), но и в славянском переводе,³⁸ сам он, как мы знаем из мемуарных свидетельств и из внутренних данных его художественных произведений, предпочитал пользоваться русским текстом. А Ветхий Завет? Об этом у нас есть по крайней мере одно достоверное свидетельство: письмо жене из Эмса от 10/22 июня 1875 г., цитированное Н. Ефимовой в уже упоминавшейся статье.³⁹ Приведем этот важный текст: «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу по комнате, чуть не плача, и если б только не подлеишие примечания переводчика, то, может быть, я был бы счастлив» (29₂, 43). Н. Ефимова, по-видимому, следуя за комментарием И. Д. Якубович, включенным в ПСС Достоевского (17, 423), без достаточных оснований полагает, что Достоевский пользовался «французским переводом Леруа, изданным во Франции в 1865 г.».⁴⁰ Но, во-первых, никакой «перевод Леруа» в 1865 г. не издавался, а вышла в 1866 г. драма «Иов» в пяти актах, принадлежащая перу известного французского социалиста Пьера Леру.⁴¹ Это довольно причудливое произведение, в котором автор пытается перекинуть мостик между древней книгой Иова и современными европейскими идеями и событиями, вводя их таким образом в контекст мировой интеллектуальной и духовной истории. Герцен, друживший с Леру, характеризовал этот труд в «Былом и думах» как «бред поэта-лунатика, у которого в памяти остались факты и строй, упования и образы, но смысла не осталось».⁴² Видимо, повод к заблуждению подали слова «traduit littéralement sur le texte hébreu», выставленные П. Леру на титульном листе его пьесы и принятые исследовательницей чересчур всерьез. Во-вторых же, книга, читанная Достоевским в Эмсе, сохранялась в его библиотеке. То был анонимно опубликованный двумя изданиями русский перевод книги Иова, выполненный епископом Вятским Агафангелом Соловьевым и обильно снабженный его же многословными и действительно

³⁶ См.: Флоровский Г. Пути русского богословия. С. 124, 156.

³⁷ Так, он приводит форму звательного падежа вместо именительного (14, 27; 15, 201; 26, 123), неверно понимает значение славянского глагола *посягати* (выходить или выдавать замуж) (20, 173), неточно записывает со слуха славянское слово (7, 87).

³⁸ См.: Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. С. 43.

³⁹ См.: Ефимова Н. Мотив библейского Иова... С. 123.

⁴⁰ Там же С. 125.

⁴¹ Job, drame en 5 actes, avec prologue et épilogue, par le prophète Isaïe, retrouvé, rétabli dans son intégrité, et traduit littéralement sur le texte hébreu, par Pierre Leroux. Paris: Dentu, 1866; Grasse, 1866; ed. réduite: Genève, 1867.

⁴² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 497.

малоудачными примечаниями, в которых проблематика книги Иова рассматривалась в весьма упрощенном «нравоучительном» стиле.⁴³ В-третьих, наконец, дополнительным и бесспорным доказательством того, что Достоевский читал в Эмсе именно перевод еп. Агафангела, являются выписки, сделанные писателем в процессе работы над «Подростком» (16, 140—141). Заимствования из того же перевода очевидны и в вольном пересказе старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» (14, 264).

5

Самые интересные свидетельства об отношении Достоевского к «библейскому вопросу» можно найти все же не в публицистике, письмах и черновиках Достоевского, а в его художественных произведениях.

На каком языке читают Евангелие герои Достоевского?

«У меня был русский перевод Нового Завета», — рассказывает Александр Петрович Горянчиков в «Записках из Мертвого дома» (4, 53). По этой книге он учил читать и знакомил с Нагорной проповедью татарина Алея.

«Новый Завет в русском переводе, исчерченный карандашом на полях и с отметками ногтем» (совсем как в экземпляре самого Достоевского) был найден на столе у Иеремии Смита («Униженные и оскорбленные»; 3, 177). Это Евангелие читал он Нелли, его же девушка перечитывала перед смертью.

На комоду у Сони Мармеладовой лежал тоже «Новый Завет в русском переводе. Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете» (6, 248). Из нее Соня в знаменитой сцене «Преступления и наказания» читала Раскольникову главу о воскрешении Лазаря. Эта же книга лежала потом под подушкой у Раскольникова на каторге.

Во всех этих описаниях обращают на себя внимание несомненные автобиографические черты.

Лебедев и Ипполит в «Идиоте» цитируют Апокалипсис тоже в русском переводе (8, 167—168, 309—310, 319), как и Тихон, отвечая на вопрос Ставрогина: «...русский перевод есть?» (11, 11).

Встреча с Евангелием и Апокалипсисом в русском переводе становится нечаянным откровением для Степана Трофимовича в его последнем странствовании: «Это... и это в вашей книге! (...) Я никогда не знал этого великого места!» (10, 497—498).

«Евангелие, русский перевод» (14, 281) берет со своего стола Зиновий, будущий иеросхимонах Зосима, чтобы дать прочесть «таинственно-

⁴³ Книга Иова в русском переводе с кратким объяснением. Вятка, 1860 и 1861. См.: Гроссман Л. П. 1) Семинарий по Достоевскому. С. 44; 2) Библиотека Достоевского. Одесса, 1919. С. 155. Гроссман ошибочно принял два тождественных издания 1860 и 1861 гг. за «1-е и 2-е объяснения». Авторство перевода указано в кн.: Корсунский И. Филарет, митрополит Московский... С. 185; Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., б. г. (репринт: М., 1992). С. 50. Кстати, этот самый еп. Агафангел ранее своим анонимным доносом в Синод инициировал «дело Павского». См.: Мень А. К истории русской православной библеистики // Богословские труды. М., 1987. Сб. 28. С. 276; Казанский П. С. Мысли и чувствования митрополита Филарета по делу отобрания литографированного перевода книг Ветхого Завета // Православное обозрение. 1878 № 1. С. 106—118.

му посетителю» слова, которые решат судьбу последнего, а косвенно повлияют и на судьбу Зосимы.

В русском переводе даны евангельские эпитафии к «Бесам» и «Братьям Карамазовым», повторяющиеся затем и в тексте романов.

Эти и другие примеры (цитата из Лк. 15: 24 в «Подростке» — 13, 152; вольные цитаты из Лк. 12: 14; Мф. 2: 18; Лк. 15: 7; Откр. 9: 15 в речах Зосимы — 14, 31, 46, 48, 268, 284) показывают: почти все библейские тексты, имеющие концептуально важное для Достоевского значение, приводятся им в русском переводе. Именно в таком виде они входят в ткань его романов как *слово Божие*, которое «живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого», а потому оно, это слово, властно, с преображающей и опаляющей силой вторгается в жизнь его героев, «проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр. 4: 12).

Едва ли не единственным исключением является славянский текст Мф. 18: 6, прочитанный купцом Скотобойниковым из рассказа Макара Ивановича в «Подростке» (13, 318).

А вот когда персонажи Достоевского, понаслышке что-то знающие из Евангелия или других священных книг, пытаются жонглировать словом Божиим в своих интересах,⁴⁴ в их устах, как правило, звучат церковнославянские слова.

Именно так, например, «шутит из Евангелия» знаменитый адвокат в «Подростке» (13, 143). В «Бесах» единственный персонаж, речь которого густо усыпана славянизмами, — это Федька каторжный. Другой каторжник — Скуратов в «Записках из Мертвого дома» — передразнивает славянское звучание псалма 50: «Повели меня в полицию по милости твоей» (4, 226; ср.: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей»).

Но особенно ярко указанная особенность проявляется в «Братьях Карамазовых». Речь Зосимы стилизована по образцам монашеской литературы; тем не менее только одна из десятка библейских цитат и аллюзий, вложенных в его уста автором, включает специфические славянские выражения.⁴⁵ Да и вообще удельный вес церковнославянских слов и оборотов в его речах минимален — конечно, с учетом того, что он все же монастырский старец; отец Зосима всегда говорит понятно. Даже описывая свои детские впечатления от услышанного в храме чтения книги Иова (она там, конечно, могла звучать только на славянском), старец приводит фрагменты из нее по русскому переводу (14,

⁴⁴ Отец Паисий в «Братьях Карамазовых», несомненно, выражает отношение самого автора к такому беззастенчивому использованию священных текстов, когда говорит: «Играть такими словами невозможно. (...) светские каламбуры в этом смысле невозможны и недостойны» (14, 57). Ср. осуждение адвоката Утина с его «неожиданнейшим каламбуром на Христовы слова о грешнице из Евангелия» на страницах «Дневника писателя» за 1876 г. (23, 12, 19—20), а также воспоминания Яновского о резкой реакции Достоевского на подобный же каламбур на вечере у Плещеева: «Когда слышишь, что человек (...) лжет и клеветает на Христа, то это выходит и гадко, и подло» (Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 246).

⁴⁵ Это контаминация из двух Посланий ап. Павла — Кол. 3: 2 и Фил. 3: 20: «Горняя мудрствовати..» (14, 66). Отмечено В. Е. Ветловской — 15, 536.

264). А вот кто всюду старается выражаться в «высоком» славянском стиле — так это Федор Павлович, особенно при посещении монастыря: «Рече безумец в сердце своем несть Бог!» (14, 39); «А лгал я» на всяк день и час. Воистину ложь есмь и отец лжи! Впрочем, кажется, не отец лжи, это я все в текстах сбиваюсь» (14, 41); «И любезно ее лобызаше» (14, 42). Переходя в следующую фазу своего шутовства, он продолжает речи про «блудилище», «блудных плясавиц» и фантастические «фортоплясы» (14, 81), а заканчивает свой визит в монастырь презрительным: «Те-те-те, вознепщеваху! и прочая галиматъя! Непщуйте, отцы, а я пойду» (14, 84). В другой раз он перевирает евангельскую цитату на славянском языке, не понимая (или не желая понимать) ее смысла: «В ту же меру мерится, в ту же и возмерится, или как это там...» (14, 122; ср. Мф. 7: 2: «В нюже меру мерите, возмерится вам»).

Иван в «Великом инквизиторе» тоже грубо искажает цитату из славянской Псалтири: «Бо Господи явися нам» (14, 226; ср. Пс. 117, 27: «Бог Господь и явися нам»), обращая в императив славянскую совершенную форму, что, конечно, совершенно искажает смысл текста.

Оба этих эпизода восходят к записи в подготовительных материалах к роману: «**ВАЖНЕЙШЕЕ**. Помещик цитует из Евангелия и грубо ошибается. *Миусов* поправляет его и ошибается еще грубее. Даже Ученый ошибается. Никто Евангелия не знает» (15, 206).

Славянские слова мы видим и в других библейских цитатах «Поэмы о Великом инквизиторе»: «токмо лишь Отец Мой Небесный» (14, 225); «и восста девица» (14, 227); «верзись вниз» (14, 232). Напомним, что, по замыслу писателя, в этой главе «современный *отрицатель*, из самых ярых, прямо объявляет себя за то, что советует дьявол» (письмо Н. А. Любимову; 30₁, 68). Да и сам черт, являясь Ивану, в библейских цитатах прибегает к церковнославянскому, хотя вообще-то изъясняется он, скорее уж, с претензией на светскость: «во чреве китове» (15, 78); «вода, яже бе над твердию» (15, 79); «неся на персях Своих душу распятого одесную разбойника» (15, 82).

Чуть ли не сплошь по-славянски говорит Ферапонт, особенно когда приходит хулить умершего Зосиму (14, 302—303).

Славянское словцо «вельми» как признак «семинарского» жаргона проскальзывает невольно в речи Ракитина в позорнейший для него момент (кредитка от Грушеньки; 14, 319).

По-славянски цитирует Евангелие Фетюкович в своей речи на суде: «Аз есмь пастырь добрый» (15, 169); «В ню же меру мерите, возмерится и вам» (15, 170). Смысл последнего текста адвокат понимает так же превратно, как ранее Федор Павлович, на чем его и ловит затем в обвинительной речи Ипполит Кириллович, выставляя себя самого представителем «всей православной России, взывающей к Нему (Христу. — Н. Б.): „Ты бо еси Бог наш!..“» (15, 175). Ясно, что, с точки зрения автора, ни один из них не вправе ссылаться на Евангелие...

Все вышеизложенное достаточно, как мне кажется, проясняет позицию Достоевского в споре о допустимости и желательности распространения русского перевода Библии, в который в прошлом столетии были вовлечены не только церковно-иерархические, но и светские круги. Кстати, история эта имеет продолжение: в XX в. спор о русской Библии возобновился в нашей Церкви с не меньшей остротой — теперь уже в связи с проблемой допустимости использования русского перевода Священного Писания в церковном богослужении.

Остается, однако, вопрос: почему все-таки Достоевский вкладывает цитаты на церковнославянском языке преимущественно в уста наименее близких автору персонажей? Ведь, как мы видели, обвинить писателя в принципиальной нелюбви к славянскому вроде бы невозможно (хотя с уверенностью это можно утверждать лишь относительно самого последнего времени его жизни).

Тут мы неизбежно вступаем в область предположений. Возможно, славянизмы ассоциировались у Достоевского с образом «семинариста», светского выходца из духовного сословия, который действительно вызывал у писателя острую антипатию. Чувство это особенно ярко проявляется в записных тетрадях Достоевского, где можно прочесть, например: «Левиты, семинаристы, это — это нужник общества» (24, 69); «*Семинарист. Кто таков.* Семинарист проклятый, атеист дешевый» (27, 43). «Чистейшей семинарской чертой» Достоевский считал славолубие, а также «естественную ненависть к другим сословиям» семинариста, который «от попа оторвался, а к другим сословиям не пристал, несмотря на все желание» (24, 240—241).

А может быть, цитаты на славянском языке связывались в сознании Достоевского с той церковью, которая «в параличе с Петра Великого» (27, 49), с духовенством, которое «не отвечает на вопросы народа давно уже» (25, 174), а вместо того, как и семинаристы, составляет «*status in statu* (...) платьем различается от других сословий, а проповедью давно уже не сообщается с ними» (24, 241; ср. 24, 80).

О понимании же библейского слова Божия самим Достоевским мы уже говорили. Если библейские цитаты в романах Достоевского становятся словом живого Бога, обращенным к героям повествования, — оно, это слово, должно, конечно, прозвучать на их же языке.

7

Стоит обратить внимание и на то, каким именно переводом Нового Завета пользовался писатель. Комментаторы романов Достоевского давно уже заметили, что новозаветные цитаты в «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бесах» включают небольшие отличия от знакомого текста Синодального перевода Библии. В ряде случаев это поторопились объяснить неточным цитированием. На самом деле причиной различий нередко является то обстоятельство, что Достоевский даже и после публикации пересмотренного Синодального издания продолжал пользоваться более ранней редакцией перевода РБО из своего «каторж-

ного» экземпляра Нового Завета, с которым слово Христово, по-видимому, и вошло навсегда в жизнь писателя.

Тщательные текстологические изыскания Б. Н. Тихомирова показывают, что пространная цитата из 11-й главы Евангелия от Иоанна в «Преступлении и наказании» (6, 250—251) первоначально была дана автором в переводе Библейского общества, но затем текст подвергся непоследовательному редактированию по Синодальному переводу (часть разночтений перевода РБО сохранилась).⁴⁶

Следы точно такой же непоследовательной правки цитат из Евангелия от Луки и Апокалипсиса обнаруживаются и в главе 7 третьей части «Бесов» (10, 497—498). Интересно, что в не опубликованном при жизни писателя тексте главы «У Тихона» аналогичная цитата из Апокалипсиса дана в переводе РБО (11, 11). Та же цитата про бесов и свиней из Евангелия от Луки вынесена и в эпиграф романа: здесь она так и сохранилась в переводе Библейского общества. А правка цитаты из Апокалипсиса (10, 497) проведена уже при подготовке первого отдельного издания романа.⁴⁷

Кем была осуществлена эта правка цитат — самим автором или его редакторами? Более вероятным мне представляется последнее, но это нельзя пока считать доказанным.

⁴⁶ См. с. 189—194 настоящего издания. Приношу мою благодарность Б. Н. Тихомирову за любезно предоставленную возможность познакомиться с результатами его исследований прежде их публикации.

⁴⁷ Ср. журнальную публикацию: Русский вестник. 1872. № 12. С. 384.